

КАЗАХСТАНСКИЙ СЕГМЕНТ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ АГРАРНОЙ КОЛОНИЗАЦИИ СТЕПНОГО КРАЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX—НАЧАЛЕ XX вв.: ФАКТОРЫ ГЕНЕЗИСА И ЭВОЛЮЦИИ

В статье выявляются общественно-политические, интеллектуальные и социокультурные условия становление национального сегмента историографии аграрной колонизации Степного края в советской исторической науке. Обозначены основные этапы институционализации и эволюции казахстанской историографической традиции вопроса, раскрыты контекстуальные обстоятельства формирования исследовательских подходов к оценке причин, хода и результатов инкорпорации Степного края в общероссийское пространство. Установлено, что утвердившийся в советский период тезис о добровольном присоединении территорий Степного края к России существенно корректировался принципами национальной идеологии СССР, вынужденной принимать во внимание неоднозначность восприятия «травматических» сюжетов колонизации, сохранявшихся в культурной памяти титульного этноса.

Ключевые слова: Степной край, аграрная колонизация, Казахстан, концепции абсолютного и относительного зла, концепция добровольного присоединения.

Введение. Тема аграрной колонизации Степного края — один из ярких сюжетов отечественной историографии, стала предметом оживлённой научной дискуссии непосредственно в период освоения степных территорий Зауралья во второй половине XIX — начале XX вв., получив освещение не только в работах свидетелей и участников переселенческого дела: российских общественно-политических деятелей, статистиков, представителей науки, но и в трудах первых представителей национальной казахской интеллигенции. Симптоматично, что национальная историография разрабатывалась в дискурсе антиколониальной риторики, в границах которой авторам было свойственно обнаружение и тиражирование наиболее «травматических» точек колониационного процесса.

Актуальность работы определяется возможностью реконструкции хозяйственно-экономического, идейно-политического и социокультурного контекста эпохи, в хронологических границах которой происходило становление научного знания в целом и представлений о содержании аграрно-колониационных мероприятий, степени вовлечённости в них власти и общества на конкретном этапе в частности.

Научная новизна статьи заключается в системной реконструкции подходов к оценке аграрной колонизации Степного края в казахстанской историографии, что позволило восстановить коммуникативное пространство деятельности историков, учесть присутствие в текстах не только собственно

историографического материала, но и социокультурного фона эпохи, в границах которой реализовывалась та или иная исследовательская стратегия.

Идейно-политическим фоном «перезагрузки» национальной составляющей имперской истории аграрной колонизации Степного края стали события 1917–1920-х гг., озаменованные, во-первых, подъёмом национального движения, ставшего важным «козырем» большевиков в узурпации власти на окраинах империи, во-вторых, внедрением и распространением принципов политики «империя положительной деятельности», в масштабах которой «великорусский шовинизм» был признан главной опасностью, соответственно национализм меньшинств в какой-то мере допускался как исторически обоснованный.

Принимая во внимание обстоятельства становления и развития научно-исследовательской деятельности представителей национальной интеллигенции, стоявшей у истоков историографической традиции аграрной колонизации степных областей, **целью настоящей статьи** является выявление общественно-политических, интеллектуальных и социокультурных условий, в которых происходило становление национального сегмента историографии аграрной колонизации Степного края в советской исторической науке.

Основная часть. Отправной точкой генезиса национальной историографической традиции вопроса можно считать факт создания в 1917 г. национальной политической партии «Алаш», непосредствен-

ное участие в организации которой приняли лидеры казахского антиколониального движения А. Букейханов, М. Тынышпаев, А. Байтурсынов, М. Дулатов и др. [1], представлявшие сегмент либерально ориентированной национальной интеллигенции. Важной составляющей программы «алашистов» являлся пункт о преобразовании России в демократическую федеративную республику с президентской формой правления и всеобщим избирательным правом. Предполагалось, что в состав Российской Федерации наравне с другими народностями будет включена автономия киргиз. Основными признаками республиканского строя признавалось равноправие, неприкосновенность личности и свобода слова, отделение религии от государства, запрет продажи земли [2].

С приходом к власти в Степном крае большевиков деятельность партии «Алаш» была объявлена незаконной и антигосударственной. Возникла парадоксальная ситуация, запечатлённая в национальной историографии 1920-х гг. Антиколониальная направленность в оценке аграрных мероприятий российского правительства второй половины XIX — начала XX вв. идеологически поддерживалась и пропагандировалась центральной властью исключительно в теоретической её части. Любые практические выводы объявлялись антисоветскими априори.

В условиях утверждения ленинской национальной политики как политики «империи положительной деятельности» (термин, введённый в научный оборот Т. Мартином) [3] формально допускались критические замечания по адресу управленческих моделей Российской империи в дореволюционный период. Так, казахстанские историки и общественные деятели Т. Шонанулы [4] и М. Тынышпаев [5] сформировали тезис об окончании национальной истории казахов и начале истории колонии.

Показательно, что упрочение большевистской власти на окраинах и переход к политике национал-большевизма в 1930-х гг., в рамках которой выделялась особая роль в колонизации русского этноса как титульного в исследовательские подходы и оценки были внесены существенные коррективы.

С одной стороны, в историографии аграрной колонизации степных окраин сохранялась традиция критических оценок деятельности имперских властей в дореволюционный период. С другой — с началом формирования национал-большевистской идеологии и укреплением авторитарной власти историческая наука в контенте национального нарратива оказалась помещена в «прокрустово ложе» двух незыблемых формул: «угнетение коренных жителей окраин царизмом» и «дружба русского народа и индигенного населения в условиях имперской экспансии». В этой связи значительно выросла исследовательская активность в сфере административной и аграрной политики Российской империи в Степном крае, а подходы формировавшейся национальной научной школы к оценке экономических и культурных возможностей хозяйств номадического типа стали существенно меняться.

Проблема заключается в том, что властные декларации «империи положительной деятельности», предполагавшие определённые возможности культурно-политической самостоятельности национальных меньшинств, существенно ограничивались в административно-финансовом отношении. Достаточно сказать, что до 1923 г. Казахстан не имел собственного бюджета и финансирование респу-

блики шло непосредственно из РСФСР. Кроме того, в 1920-е гг. в основном завершился процесс консолидации национальной интеллигенции с характерной для неё национальной, политической и культурной идентичностью, что вызывало опасения центральных властей и стремление придать антиколониальным настроениям соответствующую времени идеологическую окраску.

В 1920-х — начале 1930-х гг. процессы деколонизации окраин соотносились с этническим возрождением и усиленным ростом этнографических исследований (Национальная ассоциация востоковедения, Институт изучения этнических и национальных культур Востока, Комиссия по изучению племенного состава России, Комиссия по изучению производительных сил, Общество изучения Казахстана).

Этнографические организации становились своеобразным «вместилищем» национальной интеллигенции, а вопросы, касавшиеся этногенеза коренных народов, их этнокультурных характеристик, были тесно связаны с историческим контекстом. Важную роль в организации национальной этнографической школы на рубеже 1920-х — 1930-х гг. сыграла деятельность Казахского научно-исследовательского института национальной культуры, в котором действовал историко-археологический сектор, возглавляемый этнографом С. Д. Асфендиаровым, вокруг личности которого группировались не только специалисты в области этнографии, но и национальная гуманитарная наука в целом [6, с. 199].

Институционализация исторической науки Казахстана продолжилась в начале 1930-х гг., когда была организована Казахская база Академии наук СССР, первым председателем которой стал востоковед, тюрколог академик АН СССР А. Н. Самойлович, а заместителем — профессор С. Д. Асфендиаров. Утверждение советских, национал-большевистских форм организации науки в национальных республиках сопровождалось жёстким администрированием, контролем и репрессивными методами внедрения новой государственной идеологии. Так, в ходе расширенного пленума Государственной академии истории материальной культуры в 1933 г. при обсуждении широкого спектра проблем изучения этнографии казахов и номадических этносов научному сообществу были фактически навязаны идеологические решения: подвергнуты критике концепции наличия у казахов в конце XIX — начале XX вв. родового строя, категорически отвергнуты теории существования азиатского способа производства, поставлены задачи изучения патриархально-феодалных отношений у коренного населения с позиций марксистско-ленинского подхода [7, с. 303].

Окончательное огосударствление национальной исторической науки, приходится на начало 1940-х гг., когда Казахстанская база АН СССР была преобразована в Казахский филиал АН СССР и тем самым поставлена под пристальный идеологический контроль со стороны центра. В этот период происходят, по крайней мере, два важных, с точки зрения историографической традиции аграрной колонизации Степного края, моменты. В научно-исследовательском плане окончательно ратифицируется концепция «наименьшего зла», подтверждавшая факт альтернативности выбора подданства коренным этносом степных областей (Российская империя или Джунгария). Включение Степного края в обще-

имперское пространство позиционируется как добровольный процесс, однако термин «завоевание» исключается из научно-исследовательской риторики [8].

Стоит также напомнить, что в советской исторической науке в начале 1950-х гг. происходит очередной пересмотр концепции присоединения Степного края к Российской империи. Тезис о добровольном вхождении степных областей в состав империи определил идеологические границы, основные траектории и проблемную канву исследований аграрных мероприятий в регионе.

В условиях реализации национал-большевистской доктрины (1950-е—1980-е гг.), когда национальная историография приобретает отчётливые признаки сервильности, к спектру наиболее востребованных сюжетов относилось исследование исторического аспекта связи казахских жузов с российским государством, административная, переселенческая и аграрная политика правительства и методы её реализации в Степном крае, взаимоотношения коренного населения с различными социальными группами новоприходцев в регионе. При этом необходимо учитывать состояние исторической науки в Казахстане исследуемого периода. Общеизвестно, что вплоть до 1980-х гг. существовала практика тематической разрядки, согласно которой 70 % проектов плановых научно-исследовательских работ Института истории, археологии и этнографии по требованиям отдела науки и вузов ЦК КПСС и ЦК Компартии Казахстана непременно должны были быть посвящены проблемам истории советского периода. Остальные 30 % — проблемам истории периода до 1917 г., этнографии и археологии.

Основные позиции национальной историографической традиции первоначально были отражены в работах Н. Г. Аполловой [9] и А. Б. Турсунбаева [10] в конце 1940-х—начале 1960-х гг., педалировавших идею об объективном характере присоединения Казахстана, выделяя в качестве базовых факторов экономические и внешнеполитические обстоятельства, побуждавшие казахов искать сближения с Россией [9, с. 65].

Тенденция к реабилитации политики метрополии на окраинах империи, как это ни парадоксально, наиболее предметно стала преобладать в работах, посвящённых именно аграрной колонизации и переселенческому движению в области Степного края. Рост исследовательского интереса к миграционной проблематике, в свою очередь, определялся активизацией в Казахской ССР этнографических и археологических изысканий. В начале 1950-х гг. в этнографической науке разгорелась острая дискуссия по вопросам этногенеза казахского народа, материальной культуры казахов, их истории и взаимоотношений с оседлыми народами, чему способствовало активное привлечение антропологического, этнографического, фольклорного и лингвистического материала. Очевидно, что научно обоснованные соображения этнографов об автохтонности этногенеза казахов [11] должны были уравниваться выводами о прогрессивной роли русского народа и государства в истории казахской кочевой цивилизации, что стало данью идеологии и общим местом в историко-этнографических исследованиях.

Результатом подобной деятельности стала подготовка и публикация материалов по истории казахстанско-русских взаимоотношений, что

способствовало популяризации сюжетов истории Степного края, в том числе и аграрной её составляющей [12—14].

Внедряемый в научную практику алгоритм, предполагавший соответствие исследовательских выводов действующей историко-национальной концепции добровольного характера присоединения Степного края к России, стимулировал разработку темы аграрных переселений в Сибирь и сопредельные территории. Формализация нового подхода к оценке характера присоединения степных территорий к России была зафиксирована на страницах изданий «Истории Казахской ССР» 1952 и 1957 гг., основным пафосом текстов которых стал тезис о позитивном воздействии экономики России на хозяйственную деятельность кочевников и положительных последствиях присоединения [15].

В конце 1950-х—начале 1960-х гг. историки Казахской ССР активизировали исследования в данной области, включая в свои работы сюжеты переселенческого движения в Степной край во второй половине XIX—начале XX вв. в связи с эволюционными процессами в кочевой системе организации хозяйства и общества номадов [16].

Для смысловых аспектов монографий, научных статей, а также диссертационных проектов 1950-х—1960-х гг. было присуще универсальное противоречие: резкая критика государственной политики в сфере аграрных мероприятий власти в Степном крае и в то же время признание процесса оседания казахского населения и перехода к земледельческим практикам позитивным культурно-экономическим явлением [17, 18].

Симптоматично, что в национальном казахстанском сегменте советской историографии, пусть и достаточно короткий период, существовала тенденция, в рамках которой выработывался компромиссный исследовательский подход к оценке факта присоединения Степного края к Российской империи, а также аграрно-колонизационным мероприятиям. В условиях «оттепели» конца 1950-х—1960-х гг., несмотря на партийные директивы, насаждаемые центром, происходил сложный процесс соединения отдельных постулатов концепции «наименьшего зла» и теории добровольного и прогрессивного вхождения степных территорий в общеимперское пространство, что наиболее отчётливо оказалось зафиксировано в работах П. Г. Галузо, поставившего под сомнение тезис «экономика прогрессивна, политика реакционна» [19].

Характеризуя поздний период советской историографии аграрной колонизации Степного края (1970-е—1980-е гг.) как составную часть глобального историографического процесса в научном сообществе Казахской ССР, можно отметить следующие ключевые особенности.

Во-первых, идеологическое доминирование концепции добровольного присоединения степных регионов Зауралья в состав Российской империи определило характер и риторику исследовательских подходов к оценке колонизационного процесса второй половины XIX—начала XX вв. Г. Ф. Дахшлейгер в работе, опубликованной в 1973 г., полемизируя с П. Г. Галузо, настаивал на том, что основным результатом колонизации следует считать сближение народов и их дальнейшее противостояние колониальным грабёжам, национальному гнёту и неравенству, что могло реализоваться в условиях тесных производственных контактов [20]. Вместе с тем авторы изданного в 1979 году третьего тома

«Истории Казахской ССР», сerviльнo признавая факты экономической отсталости номадического общества, признаки феодальной раздробленности в казахских жузах, приходят к выводу, что единственным выходом из сложившейся ситуации было принятие российского подданства, что и сделала гальновидная правящая казахская верхушка [21, с. 8]. Подобная двойственность в рамках идеологически выверенной исследовательской парадигмы свидетельствовала о появлении новой историографической тенденции, которая отчётливо проявилась уже в постсоветский период, в обстоятельствах роста национального самосознания и идентичности казахского этноса.

Во-вторых, жёсткие рамки господствовавшей доктрины не только консервировали поиск учёных, но и способствовали перемещению фокуса внимания на периферийные сюжеты колонизации региона, вовлекаемые в ходе фольклорных экспедиций 1970-х гг. В поле зрения учёных попадал ценный материал о культурно-бытовых чертах и специфике повседневного поведения локальных сообществ, в частности, казачества, роль которого в колонизации степных областей в историографии советского периода традиционно замалчивалась [22].

Симптоматично, что частичное возобновление дискурса аграрной колонизации в национальной историографии было косвенно инициировано юбилейными событиями начала 1980-х гг., чему косвенно способствовали юбилейные торжества, посвящённые 250-летию добровольного присоединения Казахстана к России. Помимо политико-идеологической задачи очередного директивного закрепления концепции добровольного присоединения, «администраторы от науки» отдавали себе отчёт в том, что только лишь декларациями факта добровольности и прогрессивности ограничиться нельзя и заверений историков об обращении казахов к России как единственно верном решении уже недостаточно.

Во многом поэтому накануне и в период юбилейных торжеств увидела свет серия работ, в которые были включены и аграрно-колониационные сюжеты, где проводилась мысль о том, что именно кризис крестьянского хозяйства в европейских губерниях России стимулировал переселенческую активность крестьянства, а законодательное оформление миграций усиливало социальный гнёт и социальную напряжённость в принимающем обществе, что приводило к осознанию переселенцами общности своих интересов с интересами казахских трудящихся [23, с. 137].

Однако уже в середине 1980-х гг. исследования аграрной колонизации степных окраин Зауралья были свёрнуты по идеологическим соображениям. Начавшиеся в СССР экономические и политические реформы, неоднозначно принятые частью казахского общества и национальной бюрократии, привели к политическому кризису и декабрьским событиям в Алма-Ате в 1986 г. Одной из «болевых» точек волнений 1986 г. стали, помимо смены руководства, вопросы русификации и диктата со стороны власти центра, а ответные меры исключали возможность выхода за границы официальной доктрины.

Выводы. В процессе становления национальной историографической традиции аграрной колонизации Степного края можно выделить несколько этапов, в рамках которых представления историков Казахской ССР являлись неотъемлемым компонен-

том советской историографической школы в целом, отражая вместе с тем национальную составляющую оценки российской имперской колонизации. До начала 1930-х гг. в условиях ленинской национальной политики окончательные контуры приняла теория «абсолютного зла», основы которой были заложены представителями дореволюционной интеллигенции Степного края.

В 1930-х – 1940-х гг., с утверждением идеологических конструктов национал-большевизма, вопросы аграрной колонизации степных областей Зауралья стали рассматриваться в контексте исторических перспектив обретения казахским народом различных форм государственности. Сложился постулат, согласно которому присоединение к Российской империи может расцениваться как «наименьшее зло».

С 1950-х гг. в национальной историографии, стремительно инкорпорируемой в советское научное сообщество, окончательно оформилась концепция добровольного присоединения территорий Степного края к России. Следует отметить, что в рамках означенной концепции, получавшей регулярную идеологическую поддержку от власти новой, теперь уже «советской империи», допускались некоторые элементы плюрализма мнений. Это проявлялось в поощрении исследований этнографического характера, а также изучения различных аспектов материальной культуры номадов, что в аспекте конструирования национального исторического нарратива было невозможно без обращения к сюжетам, связанным с деятельностью имперских структур в колонизируемом регионе, обстоятельствами переселенческого движения. В результате догматизм выводов, моноидеологическая трактовка аграрно-колониационных мероприятий в степных областях до некоторой степени «оттенялись» постоянно идущим процессом накопления и систематизации источникового материала по заявленной проблеме, что, безусловно, открыло широкие перспективы возобновления национальной историографической традиции темы в постсоветский период.

Библиографический список

1. Телебаев Г. Т. Партия Алаш: истоки и история // Движение Алаш и духовное возрождение: идейное единство и историческая преемственность: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию партии «Алаш» и правительства Алаш Орды, 15 нояб., 2017 г. Алматы, 2017. С. 66 – 68.
2. Кул-Мухаммед М. Программа «Алаш»: фальсификация действительности: моногр. Алматы: Атамур, 2000. С. 190 – 204. ISBN 9965-05-367-7.
3. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923 – 1939. М.: РОССПЭН, 2011. 662 с. ISBN 978-5-8243-1523-3.
4. Шонанулы Т. Жер тагдыры – ел тагдыры. Алматы: Санат, 1995. 224 б. ISBN 5-7090-0094-9.
5. Тынышпаев М. История казахского народа. Алма-Ата: Казак Университеті, 1993. 224 с.
6. Асфендияров С. Д. История Казахстана (с древнейших времен). Алма-Ата; М.: Казкрайиздат, 1935. С. 199.
7. Масанов Э. А. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. Алма-Ата: Наука, 1966. 322 с.
8. Бекмаханов Е. Б. Казахстан в 20 – 40-е годы XIX века / под общ. ред. М. П. Вяткина. Алма-Ата: Каз. объедин. гос. изд-во, 1947. 391 с.
9. Аполлова Н. Г. Присоединение Казахстана к России в 30-х годах XVIII в. Алма-Ата: Изд-во АН Каз. ССР, 1948. 256 с.

10. Турсунбаев А. Б. Из истории крестьянского переселения в Казахстан. Алма-Ата: Изд-во АН Каз. ССР, 1950. 102 с.
11. Адильгиреев Х. М. К истории образования казахского народа // Вестник АН Каз. ССР. 1951. № 1. С. 92–94.
12. Шахматов В. Ф. К вопросу о сложении и специфике патриархально-феодалных отношений в Казахстане // Вестник АН Каз. ССР. 1951. № 7. С. 18–36.
13. Васильева Г. П., Жданко Т. А. Актуальные вопросы дооктябрьской истории народов Средней Азии и Казахстана // Советская этнография. 1954. № 2. С. 143–152.
14. Зиманов С. З., Еренов А. Е. О характере феодальной собственности на землю в Казахстане // Труды Алма-Атинского юридического института: сб. науч. тр. Алма-Ата: Каз. гос. изд-во, 1955. Т. 1. С. 47–56.
15. История Казахской ССР: с древнейших времен до наших дней. В 5 т. Т. 1. Оренбургская губерния. Алма-Ата: Изд-во АН Каз. ССР, 1949. 511 с.
16. Зиманов С. З. О патриархально-феодалных отношениях у кочевников-скотоводов // Вопросы истории. 1955. № 12. С. 63–67.
17. Ауэзова Л. М. К вопросу о переселении крестьян и их роли в развитии земледелия в Казахстане в 70–90-х годах XIX века // Вестник АН Каз. ССР. Алма-Ата, 1958. № 1. С. 90–97.
18. Сулейменов Б. С. Аграрный вопрос в Казахстане последней трети XIX–начале XX века (1867–1904 гг.). Алма-Ата: Изд-во АН Каз. ССР, 1963. 411 с.
19. Галузо П. Г. Аграрные отношения на юге Казахстана в 1869–1914 гг. Алма-Ата: Наука, 1965. 344 с.
20. Дахшлейгер Г. Ф. В. И. Ленин и проблемы казахстанской историографии. Алма-Ата: Наука, 1973. 215 с.
21. История Казахской ССР: с древнейших времён до наших дней. В 5 т. Т. 3. Присоединение Казахстана к России. Социально-экономические отношения. Революционное и национально-освободительное движение в канун Великого Октября. Алма-Ата: Наука, 1982. 558 с.
22. Багизбаева М. М. Фольклор семиреchenских казаков В 2 ч. Алма-Ата: Мектеп, 1977. Ч. 1. 280 с.
23. Сулейменов Б. С., Басин В. Я. Казахстан в составе России в XVIII–начале XX века. Алма-Ата: Наука, 1981. 243 с.

АБСЕЛЕМОВ Серикхан Ахметович, соискатель кафедры «Отечественная история».

Адрес для переписки: abselemovserikhan@yandex.ru

Для цитирования

Абселемов С. А. Казахстанский сегмент советской историографии аграрной колонизации Степного края во второй половине XIX–начале XX вв.: факторы генезиса и эволюции // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 3. С. 60–66. DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-3-60-66.

Статья поступила в редакцию 27.03.2019 г.

© С. А. Абселемов

KAZAKHSTAN SEGMENT OF SOVIET HISTORIOGRAPHY OF AGRARIAN COLONIZATION OF STEPPE REGION IN SECOND HALF OF XIX— EARLY XX CENTURIES: FACTORS OF GENESIS AND EVOLUTION

The article is devoted to the reconstruction of socio-cultural and intellectual factors in the formation of the historiography of the agrarian colonization of the Steppe in Soviet Kazakhstan. The aim of the work is to identify the main stages of the formation in the Kazakh national historiography of the imperial experience of the inclusion of the steppe territories of the Trans-Urals in the Russian state. Achieving the goal is carried out by disclosing the contextual conditions for the development of the national segment of historiography, in the parameters of which there are approaches to accessing the process of colonization in the regions that are the subject of imperial actions. In the study based on methodological approaches and practices of cultural and intellectual history it was possible to trace the influence of the ideological principles of the Soviet state on the perception of colonialists in the domestic scientific community as a source of absolute and relative evil, to identify the circumstances that led to the recognition of the thesis of voluntary accession of the region to Russia. It is proved that the concept of voluntary accession of the Steppe territories to Russia is interconnected with the principles of the national policy of the USSR, which made it possible to recognize the de facto national stories about the «trauma of colonization», preserved in the cultural memory of the indigenous peoples.

Keywords: Steppe region, agrarian colonization, Kazakhstan, the concept of absolute evil, the concept of relative evil, the concept of voluntary colonization.

References

1. Telebayev G. T. *Partiya Alash: istoki i istoriya* [Party Alash: origins and history] // *Dvizheniye Alash i dukhovnoye vozrozhdeniye: ideynoye edinstvo i istoricheskaya preymstvennost'*. *Dvizheniye Alash i dukhovnoye vozrozhdeniye: ideynoye edinstvo i istoricheskaya preymstvennost'*. Almaty, 2017. P. 66–68. (In Russ.).
2. Kul-Mukhammed M. *Programma «Alash»: fal'sifikatsiya deystvitel'nosti* [«Alash» program: falsification of reality]. Almaty, 2000. P. 190–204. ISBN 9965-05-367-7. (In Russ.).
3. Martin T. *Imperiya «polozhitel'noy deyatel'nosti». Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923–1939* [The Empire of «Positive Activity». Nations and nationalism in the USSR, 1923–1939]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2011. 662 p. ISBN 978-5-8243-1523-3. (In Russ.).
4. Shonanuly T. *Zher tagdyry — el tagdyry* [The fate of the earth is the destiny of the country]. Almaty, 1995. 224 p. ISBN 5-7090-0094-9. (In Kazakh).
5. Tynyshpayev M. *Istoriya kazakhskogo naroda* [History of the Kazakh people]. Alma-Ata: Kazak Universiteti Publ., 1993. 224 p. (In Russ.).
6. Asfendiyarov S. D. *Istoriya Kazakhstana (s drevneyshikh vremen)* [History of Kazakhstan (since ancient times)]. Alma-Ata; Moscow: Kazkrayizdat Publ., 1935. P. 199. (In Russ.).
7. Masanov E. A. *Ocherk istorii etnograficheskogo izucheniya kazakhskogo naroda v SSSR* [History essay of the ethnographic study of the Kazakh people in the USSR]. Alma-Ata: Nauka Publ., 1966. 322 p. (In Russ.).
8. Bekmakanov E. B. *Kazakhstan v 20–40-e gody XIX veka* [Kazakhstan in the 20s–40s of the 19th century] / Ed. M. P. Vyatkin. Alma-Ata, 1947. 391 p. (In Russ.).
9. Apollova N. G. *Prisoyedineniye Kazakhstana k Rossii v 30-kh godakh XVIII v.* [The accession of Kazakhstan to Russia in the 30s of the XVIII century]. Alma-Ata, 1948. 256 p. (In Russ.).
10. Tursunbayev A. B. *Iz istorii krest'yanskogo pereseleniya v Kazakhstan* [From the history of peasant resettlement in Kazakhstan]. Alma-Ata, 1950. 102 p. (In Russ.).
11. Adil'gireyev X. M. *K istorii obrazovaniya kazakhskogo naroda* [To the history of the formation of Kazakh people] // *Vestnik AN Kaz. SSR. Vestnik AN Kaz. SSR*. 1951. No. 1. P. 92–94. (In Russ.).
12. Shakhmatov V. F. *K voprosu o slozhenii i spetsifike patriarkhal'no-feodal'nykh otnosheniy v Kazakhstane* [To the question of relations addition and specificity of patriarchal-feudal relations in Kazakhstan] // *Vestnik AN Kaz. SSR. Vestnik AN Kaz. SSR*. 1951. No. 7. P. 18–36. (In Russ.).
13. Vasil'yeva G. P., Zhdanko T. A. *Aktual'nyye voprosy dooktyabr'skoy istorii narodov Sredney Azii i Kazakhstana* [Actual Issues of the Pre-October History of the Peoples of Central

Asia and Kazakhstan] // *Sovetskaya etnografiya. Sovetskaya etnografiya*. 1954. No. 2. P. 143–152. (In Russ.).

14. Zimanov S. Z., Erenov A. E. O kharaktere feodal'noy sobstvennosti na zemlyu v Kazakhstane [On the nature of feudal land ownership in Kazakhstan] // *Trudy Alma-Atinskogo yuridicheskogo institute. Trudy Alma-Atinskogo yuridicheskogo instituta*. Alma-Ata, 1955. Vol. 1. P. 47–56. (In Russ.).

15. Istoriya Kazakhskoy SSR: s drevneyshikh vremen do nashikh dney. V 5 t. T. 1. Orenburgskaya guberniya [History of the Kazakh SSR: from ancient times to the present days. In 5 vols. Vol. 1. Orenburg province]. Alma-Ata, 1949. 511 p. (In Russ.).

16. Zimanov S. Z. O patriarkhal'no-feodal'nykh otnosheniyakh u kochevnikov-skotovodov [About patriarchal-feudal relations among nomadic pastoralists] // *Voprosy istorii. Voprosy istorii*. 1955. No. 12. P. 63–67. (In Russ.).

17. Auezova L. M. K voprosu o pereselenii krest'yan i ikh roli v razvitii zemledeliya v Kazakhstane v 70–90-kh godakh XIX veka [On the issue of the resettlement of peasants and their role in the development of agriculture in Kazakhstan in the 70s–90s of the XIX century] // *Vestnik AN Kaz. SSR. Vestnik AN Kaz. SSR*. Alma-Ata, 1958. No. 1. P. 90–97. (In Russ.).

18. Suleymenov B. S. Agrarnyy vopros v Kazakhstane posledney tretii XIX–nachale XX veka (1867–1904 gg.) [The agrarian question in Kazakhstan of the last third of the XIX–early XX century (1867–1904)]. Almaty, 1963. 411 p. (In Russ.).

19. Galuzo P. G. Agrarnyye otnosheniya na Yuge Kazakhstana v 1869–1914 gg. [Agrarian Relations in the south of Kazakhstan in 1869–1914]. Alma-Ata: Nauka Publ., 1965. 344 p. (In Russ.).

20. Dakhshleyger G. F. V. I. Lenin i problemy kazakhstanskoy istoriografii [Lenin and the problems of Kazakhstan historiography]. Alma-Ata: Nauka Publ., 1973. 215 p. (In Russ.).

21. Istoriya Kazakhskoy SSR: s drevneyshikh vremen do nashikh dney. V 5 t. T. 3. Prisoyedineniye Kazakhstana k Rossii.

Sotsial'no-ekonomicheskiye otnosheniya. Revolyutsionnoye i natsional'no-osvoboditel'noye dvizheniye v kanun Velikogo Oktyabrya [The history of the Kazakh SSR: from ancient times to the present day. In 5 vols. Vol. 3. Accession of Kazakhstan to Russia. Socio-economic relations. The revolutionary and national liberation movement on the eve of Great October Revolution]. Alma-Ata: Nauka Publ., 1982. 558 p. (In Russ.).

22. Bagizbayeva M. M. Fol'klor semirechenskikh kazakov [Folklore of Semirechensky Cossacks]. Alma-Ata: Mektep Publ., 1977. Part 1. 280 p. (In Russ.).

23. Suleymenov B. S., Basin V. Ya. Kazakhstan v sostave Rossii v XVIII–nachale XX veka [Kazakhstan as part of Russia in the 18th–early 20th centuries]. Alma-Ata: Nauka Publ., 1981. 243 p. (In Russ.).

ABSELEMOV Serikhan Akhmetovich, PhD Candidate of National History Department.

Address for correspondence: abselemovserikhan@yandex.ru

For citation

Abselemov S. A. Kazakhstan segment of Soviet historiography of agrarian colonization of Steppe region in second half of the XIX–early XX centuries: factors of genesis and evolution // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2019. Vol. 4, no. 3. P. 60–66. DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-3-60-66.

Received 27 March 2019.

© S. A. Abselemov